

Любимова Г.В. «Техническая эсхатология» в современной народно-православной и старообрядческой традиции Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2009, № 3 (39). С. 119-127.

В статье рассматриваются вопросы адаптации традиционных для Сибирского региона христианских конфессий (прежде всего, народного православия и старообрядчества) к происходящим изменениям окружающего мира. Особое внимание уделяется такому явлению, как «техническая эсхатология», связанному с наделением техники эсхатологическим значением, когда распространение технических новшеств - новых средств транспорта, связи, предметов бытовой техники и пр. - расценивается носителями традиционного религиозного сознания как непосредственный признак наступающих или уже наступивших «последних времен». Источниковой базой исследования послужили многолетние полевые сборы автора, а также опубликованные сочинения крестьянских писателей-старообрядцев, где в категориях православной веры дается оценка новым реалиям современной жизни и в первую очередь достижениями науки и техники XX в.

Ключевые слова: народное православие и старообрядчество Сибири, традиционных эсхатологический миф, апокалиптические образы, современные достижения науки и техники

Введение

Одной из причин трансформации традиционного религиозного сознания является быстрое изменение окружающей человека предметной среды, в том числе, появление новых средств транспорта, связи, предметов бытовой техники и прочих технических новшеств. Будучи характерным отражением нарастающих процессов глобализации, динамичное развитие традиционных СМИ, а также взрывное распространение новейших (спутниковых, электронных и пр.) технологий неизбежно ведут к формированию единого для всего постиндустриального общества информационного пространства [Рогозина, 2006, С.476]. Вместе с тем, «новые глобальные реалии», по оценкам специалистов, радикально видоизменяют наиболее консервативные структуры социального сознания и поведения - традиции, обычаи, а также религиозно-обрядовые практики [Жвितिашвили, 2003, С.6]. В этой связи особый интерес приобретает вопрос о том, что происходит в современных условиях с культурами, ориентированными на сохранение традиций, как они адаптируются к стремительным изменениям окружающего мира.

Одним из способов осмысления происходящих перемен носителями религиозного сознания становится наделение техники не только сакральным, но и эсхатологическим значением. Распространение технических новшеств расценивается при этом как непосредственный признак приближения «последних времен». Данное явление,

получившее в научной литературе название «техническая эсхатология» [Ахметова, 2004, 2.3], рассматривается в статье на материалах народно-православной и старообрядческой традиций Сибири. Источниковой базой исследования послужили полевые сборы автора, а также опубликованные сочинения крестьянских писателей-старообрядцев, в которых в категориях православной догматики дается оценка новым реалиям современной жизни, в том числе, достижениям науки и техники XX в. [Духовная литература, 1999; 2005].

Эсхатологический миф в контексте отечественной истории XX в.

Традиционная структура «универсального эсхатологического мифа» включает в себя образы глобального искажения миропорядка, всеобщего разложения культурных норм и правил, а также неминуемых бедствий, которые постигнут человечество в преддверии конца мира [Петров, 2004, С.46]. При этом один из главных мотивов подобных повествований связан с появлением необычных предметов, в роли которых на поздних этапах развития эсхатологической теории выступают разного рода технические новшества [Panchenko, 2001 и др.].

Первые признаки «технической эсхатологии» как отличительной черты массового сознания в отечественной истории относятся к 1920-30 годам, которые характеризовались модернизацией всех сторон крестьянской жизни и, соответственно, сопровождалась коренной ломкой традиционного мировоззрения. Происходившие изменения, как уже отмечалось, затронули глубинные основы мировосприятия человека, в том числе, привычную для него предметную среду, что проявилось в появлении новых, невиданных ранее предметов быта, орудий труда, средств транспорта и связи. Так, впервые услышав передачу из радиорепродуктора, многие сельчане, по свидетельству информаторов, отреклись от него, как от «*дьявольского наваждения*»; увидев самолет, называли его «*железным чертом*». Нередко люди попросту боялись новой сельхозтехники, в том числе, первого трактора, полагая, что он «*истопчет всю землю и отравит всю атмосферу*» (ПМА, Новосибирская обл., Алтайский край).

Ярким примером старообрядческой литературы, в которой технике придается эсхатологическое значение, являются сочинения енисейского писателя-старовера И.Н. Жарикова. Возникновение сети железных дорог, телефона, телеграфа, строительство электростанций, изобретение самолета и прочих технических достижений возводится автором в ранг знамений, позволяющих судить о приближении «окончательного сражения Апокалипсиса» [Зольникова, 2006, С.225]. В тех же категориях оценивались политические и социально-экономические катаклизмы эпохи, когда принудительное насаждение

колхозов, массовое разорение церквей, а также раскулачивание наиболее крепкой и зажиточной части сельского населения отождествлялось крестьянами с наступлением конца света.

Представления о «последних временах», характерные для всех христианских конфессий, наиболее полное воплощение получили в старообрядческом мировоззрении. Именно «реальные факты кровавых преследований старообрядцев от царя Алексея Михайловича до Сталина», подчеркивает Н.Н. Покровский, заставляли крестьянских мыслителей творчески развивать «традиционнейшую христианскую эсхатологию» [Духовная литература, 1999, С.11-12]. И если ранние эсхатологические построения старообрядцев были сосредоточены в основном на полемике с иерархами православной церкви о времени наступления Второго пришествия, природе самого Антихриста и пр., то последующая эволюция эсхатологического мифа выдвинула на первый план иные сюжеты и образы, связанные с осмыслением новых форм социальной жизни, включая роль технических инноваций в обществе.

Обретение спасения в старообрядческом мировоззрении традиционно предполагало уход из мира Антихриста *«во темные леса, во далекие пустыни, во глубокие пещеры»*. Наиболее последовательное развитие идеи эскапизма, как отмечает К.В. Чистов, получили среди северорусских и сибирских беспоповцев [Чистов, 2002, С.180, 188], в том числе, староверов часовенного согласия, одним из мест компактного проживания которых в настоящее время являются скиты и поселения верховьев Малого Енисея - так называемое «Верховье» (Каа-Хемский р-н, Республика Тыва)¹. Характерная особенность культуры данной локальной группы, как показало проведенное в 2004 г. фольклорно-этнографическое обследование, связана с сохранением традиции бытования духовных стихов - как в устном, так и в письменном вариантах. Выяснилось, что содержание бытующих в настоящее время текстов охватывает чрезвычайно широкий спектр тем - от классических ветхозаветных сюжетов (*«Потоп страшен приближался, / Народ видел, испужался / Гнев идет, гнев идет...»* и т.п.) до звучащих как непосредственный отклик на современные события и явления (*«Скучно жить в стране безбожной, / Где кумир и Бог подложный»* и т.п.).

По своему статусу старообрядцы-часовенные, согласно собранным материалам, делятся на *«мирских»*, питающихся из общей посуды, *«полумирских»*, отделившихся в посуде, и *«соборных»*, то есть, состоящих в соборной братии членов общины. Каждая из

---

¹ Подробное описание истории согласия, введение в научный оборот и анализ письменных источников, выявленных в ходе археографических экспедиций, предприняты новосибирскими исследователями под руководством академика РАН Н.Н. Покровского [Духовная литература, Т.1, 1999; Т.2, 2005 и др.].

указанных категорий различается по степени греховности и, соответственно, по чистоте своей «чаши». «Чистые» чаши, как считается, имеются только у соборных, соблюдающих все религиозные запреты и предписания. Все остальные, включая «оглашенных» (желающих вступить в братию) и «отлученных» («отступившихся от Бога» членов братии), рассматриваются как состоящие «в помешке», то есть несущие на себе ту или иную степень греха. Вступившие в собор принимают на себя ряд ограничений, в том числе, касающихся использования бытовой техники (постановлением Сандакчесского собора 1994 г. часовенным запрещено держать радиоприемники и телевизоры) [Духовная литература, 2005, С.21]. Как сообщил один из наших собеседников (1979 г.р., п. Сизим), когда его мать «*благословение получила, чтобы в собор вступить*», они «*первым делом из дома магнитофон и телевизор убрали*»².

Утвержденный в качестве основополагающей доктрины принцип верности старине проявлял себя во всех сферах деятельности старообрядцев. И в наши дни стремление следовать старым образцам наиболее ярко характеризует жизнь «пустынных людей», обитателей скитов, заимок и отдаленных поселений. Вместе с тем, необходимость приспособливаться к внешнему миру вынуждает представителей и данной группы населения постепенно менять свои воззрения на достижения научно-технического прогресса в целом. Разнообразные аргументы старообрядцев «за» и «против» использования техники неоднократно рассматривались в специальной литературе [Покровский, 1988, С.32-33; Татаринцева, 2006, С.72]. Среди современных староверов Тувы зафиксирован довольно широкий спектр мнений по данному вопросу. К примеру, проживающие в скиту матушки, по словам С.М. Вершинина (1938 г.р., п. Эржей), вначале не разрешили ему пилить дрова бензопилой «Дружба», назвав ее «*Антихристовой прелестью*». На что ему пришлось возразить: «*а вы тогда бензином не пользуетесь и на машине не ездите, а только лен возделывайте и одежду себе сами шейте*». Удивительный компромисс, учитывая его религиозный статус, был найден бывшим наставником Сизима, ныне покойным Иваном Григорьевичем Юрковым, определившим свое отношение к использованию техники следующим образом: «*что для веселья - грех, то для работы - можно*». Ныне здравствующий наставник Ужепа Макарий Гермогенович Рукавицын снискал себе не менее удивительную славу «местного Кулибина», изобретателя сельхозорудий (ПМА, 2004).

В личном пользовании местных жителей машины и трактора, согласно полученным сведениям, появились не ранее 1990-х гг. Тогда же в поселки «протянули

---

² Не менее нетерпимое отношение у названной категории населения сохраняется к тиражированию человеческого изображения и голоса, в силу чего в их среде продолжают бытовать запреты на фото- и аудиозапись [Любимова, 2004, С.55].

электричество». Первый черно-белый телевизор также появился в здешних местах лишь на исходе второго тысячелетия. Особенно нетерпимое отношение данный предмет бытовой техники вызывает у соборных членов общины.

Телевидение в современном православном дискурсе

Мотив появления необычных предметов характерен не только для старообрядческих повествований о конце света. Сходные мотивы чрезвычайно активно разрабатываются в современных православных течениях, в том числе, в рамках такой религиозной субкультуры, как православная прихрамовая среда. Находившаяся на самой периферии общественной идеологии данная субкультура, как отмечает А.В. Тарабукина, долгие годы оставалась неизвестной. На материалах, полученных, в частности, от паломников Серафимо-Дивеевского монастыря и Оптиной пустыни, исследовательница показала, что техника и технический прогресс в целом рассматриваются в православном церковном и околоцерковном дискурсе как результат сатанинского воздействия [Тарабукина, 2000, 1.2]. Посвятившая специальное исследование эсхатологическим мотивам сознания людей «прицерковного круга» М.В. Ахметова также пришла к выводу, что широкое распространение новейших (в том числе, компьютерных) технологий, согласно существующим в прихрамовой среде представлениям, является знаком пришествия Антихриста [Ахметова, 2004, 2.3].

Особое место в современных эсхатологических концепциях отводится такому предмету бытовой техники, как телевизор. Считается, что именно телевидение, прочно вошедшее в повседневную жизнь людей с 60-х годов XX в., сыграло решающую роль в осознании человечеством своей целостности, впервые позволив отдельным группам населения не только услышать, но и увидеть друг друга. Вместе с тем, на отношении к нему пожилой части сельского населения парадоксальным образом сказались традиционные представления о таком предмете религиозного культа, как икона. Выполняющий, по сути, ту же роль «проводника» в иной мир, что и икона, телевизор воспринимается жителями села как предмет, наделенный до некоторой степени магическими свойствами. Однако причастность его к сфере сакрального осмысляется в религиозной среде по-разному.

Так, сельские жители европейской части России еще в конце 1980-х годов, когда центральное телевидение стало транслировать православное богослужение на Пасху, «приспособились» освящать ритуальные растения и обрядовую еду прямо перед телевизионным экраном. Размышляя над этим явлением, Е.Н. Разумовская,

зафиксировавшая его у населения Тверской области, высказывает предположение, что «подсознание традиционного человека срабатывает здесь по двум направлениям». Во-первых, телевизор - это «окно» в другой мир, персонажи которого выглядят «неправдоподобно сытыми, нарядно одетыми и богатыми» по сравнению с жителями современной деревни. Во-вторых, малограмотная крестьянка воспринимает мелькающие на экране картинки не иначе, как необъяснимое чудо. Отсюда и сознательный выбор места для телевизора - красный угол, где его так же, как иконы, «пеленуют» и украшают набожниками [Разумовская, 2002, С.244-245].

Прямо противоположное отношение к данному средству массовой информации было зафиксировано у старообрядцев Тувы. Появившись в здешних местах лишь на исходе второго тысячелетия, телевизор, как уже отмечалось, вызывает особенно нетерпимое отношение у соборных членов общины. Помещаемый обычно в красном углу телевизор воспринимается ими не иначе как «зверина икона», занявшая традиционное место обычных икон. Более того, использование телевизора расценивается состоящими в соборе старообрядцами как непосредственный признак наступающих или уже наступивших «последних времен» - ср. характерное суждение: *«В нашей книге, Апокалипсисе, телевизор иконой звериной называется. Это значит, последние времена наступают. Зверина икона - это последнее пророчество. Как появится икона зверина, так последние времена наступят»* (записано от А.А. Житниковой, 1920 г.р., п. Эржей)³.

Аналогичное отношение к телевизионной, а также компьютерной технике наблюдается и в современной православной прихрамовой среде. Имеющий антенну и шнур телевизор расценивается в ней как «бес с рогами и хвостом», а широкое распространение компьютерных технологий связывается с началом пришествия Антихриста [Тарабукина, 2000, 2.11]. Подобно иконе, воспринимаемой в традиционной культуре как «окно в иной - божественный - мир», в наши дни телевизор, считает М.В. Ахметова, предстает как «антиикона последних времен». Особая роль его в современной «технической эсхатологии» определяется тем, что данный предмет бытовой техники выступает, с одной стороны, как некая сущность, «обладающая бесовской природой», а с другой - как «магическое окно», «медиум, связывающий этот и потусторонний мир» [Ахметова, 2004, 2.3.].

Таким образом, амбивалентные свойства указанного новшества определяют разное (порой диаметрально противоположное) отношение к нему носителей религиозного сознания. Вместе с тем, следует учитывать, что любая конфессиональная среда, в свою

---

³ К «сатанинским» реалиям XX в. относят телевизор (или «говорящую икону») авторы Уральского толкового Апокалипсиса. Газеты и радио также расцениваются ими как «средства чародейства и волхования, с помощью которых сатана развращает народ» [Покровский, Зольникова, 2002, С.419, 424].

очередь, сильно стратифицирована, поскольку включает в себя не только элиту, но и широкие слои малограмотного населения.

Наделение телевизора позитивными сакральными свойствами, как выяснилось, характерно для народно-православной среды в целом, представленной в настоящее время такой категорией сельского населения, как пожилые женщины. Нынешняя демографическая ситуация на селе такова, что женское пожилое население, как пишет, к примеру, иерей Александр Шантаев, в несколько раз превосходит мужское. Именно поэтому «сельское Православие (на сегодняшний день) оказалось преимущественно женским Православием» [Шантаев, 2004, С.17, 19]. Не случайно, в материалах Е.Н. Разумовской о современных формах религиозных практик у сельских жителей Тверской области сделана оговорка, что речь идет о «малограмотных крестьянках» [Разумовская, 2002, С.244-245].

Противоположное восприятие телевизора как некой «бесовской сущности» оказалось характерно не только для старообрядческой, но и для православной прихрамовой среды. В этой связи отметим, что во все исторические эпохи старообрядцы отличались исключительно высоким уровнем грамотности, а духовная жизнь самого старообрядчества (в отличие от современного сельского православия) всегда подчинялась ярко выраженному патриархально-мужскому началу. В то же время, преимущественно городская по своему происхождению прихрамовая среда на всех этапах своего развития ориентировалась на монашескую элиту, старчество. По этой причине мировоззрение представителей данной религиозной субкультуры также носит элитарный характер [Тарабукина, 2000, Вступление].

Таким образом, массовые формы религиозного сознания, как следует из приведенных материалов, связаны с определенной сакрализацией технических новшеств, в то время как элитарные, скорее, с демонизацией результатов научно-технического прогресса. Именно поэтому корректное сопоставление православного и старообрядческого мировоззрения предполагает выбор для сравнения близких по статусу носителей религиозной традиции. Вместе с тем, главным источником представлений о «последних временах» в том и другом случае продолжают оставаться «божественные книги» и, в первую очередь, «Апокалипсис», образы и символы, которого трактуются применительно к современной эпохе.

Проблема «псевдо-книжной атрибуции» эсхатологических текстов

Отличительной особенностью народных эсхатологических воззрений всегда являлось стремление подкрепить те или иные сведения ссылками на источники, имеющие книжное происхождение. Установлено, что традиционные приемы построения эсхатологических сочинений представляли собой различные системы доказательств наступления «последних времен» на основе выдержек из Священного Писания и Священного Предания. Не случайно уже с XVIII в., когда особенно интенсивно происходило оформление эсхатологического учения, первостепенное значение для писателей-старообрядцев приобрела необходимость соотнесения изложенных в этих текстах предсказаний с реальной российской действительностью [Гурьянова, 2001; 2004].

Пророческие указания о судьбах человечества и всего мира накануне Второго пришествия, изложенные в раннехристианском произведении «Откровение Иоанна Богослова», более известном как Апокалипсис, насыщены системой образов, которые, как считается, «весьма трудно поддаются правильному пониманию и истолкованию». Именно по этой причине церковный устав запрещает чтение Апокалипсиса во время богослужения (*«его не читать, а толковать надо, а это только грамотные старички могут»*) (ПМА, 2004), а содержание его становится понятным лишь по мере наступления событий, в нем предреченных [Аверкий, 1991]. К примеру, загадочное прежде пророчество о мгновенном поражении обширных пространств получает свое объяснение только с изобретением атомной бомбы, «применение которой сделало такую вероятность наглядной» [см.: Покровский, Зольникова, 2002, С.298, 300].

Тем не менее, далеко не все события и явления, которые трактуются как свершившиеся пророчества, восходят к древним источникам. В системе апокалиптических образов, как известно, отсутствует упоминание о «звериной иконе» («говорящей иконе», «иконе дьявола» и т.п.). Однако именно этот образ в мировоззрении современных старообрядцев, как уже отмечалось, расценивается как зашифрованный символ телевидения (*«В нашей книге, Апокалипсисе, телевизор иконой звериной называется»*) и одновременно - как один из признаков наступления «последних времен» (*«Как появится икона зверина, так последние времена наступят»*). Анализ подобного рода фактов, почерпнутых из современных эсхатологических нарративов, позволил А.А. Панченко поставить вопрос о «парадоксе псевдо-книжной атрибуции», суть которого заключается в том, что большинство рассказчиков подчеркивают книжное происхождение известной им эсхатологической информации. Это, в свою очередь, сбивает с толку исследователей, во всех случаях пытающихся найти письменные источники народных эсхатологических рассказов. Вместе с тем, генезис подобных текстов, их социальные и культурные функции, подчеркивает автор, связаны с событиями и явлениями именно современной

эпохи. Сталкиваясь с проблемами, которые находятся за пределами привычных форм повседневной жизни, в том числе, с инновациями технического характера, носитель традиционного сознания трактует их как свершившиеся пророчества, описанные в свое время еще в канонических текстах и в апокрифической литературе [Panchenko, 2001].

Показательным примером современной апелляции к авторитету книжных источников при характеристике технических новшеств как признаков свершившихся пророчеств о «последних временах» могут служить высказывания наставника общины старообрядцев-беспоповцев Т.М. Кудрявцева (1929 г.р.), записанные летом 2006 г. в п. Усть-Кокса (Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай) - ср: *«В старых книгах всё про последние времена сказано. Мы жили - радица никакого не знали, потом радица появилось, патефоны пошли, граммофоны. Сейчас уже последнее время наступает, по всему заметно. Написано было, что за пять тысяч верст будут говорить, а здесь будет слышать. Всё думали-гадали - кто это? Потом узнали - радица. Теперь телевидение. Говорили же, что в доме будет всё видать. Так и есть... Что пред последним временем весь белый свет будет проволокой обтянут. Вот он щас и обтянут - контактные линии силовые на дальние расстояния протянуты»*. Обращая внимание на то, что в «старых книгах» имелась уже вся информация о грядущих достижениях научно-технического прогресса, Тит Михайлович подчеркивает иносказательный характер заложенных в них предсказаний: *«Никто не знал об этом, а всё уже в старых книгах было сказано. Но там оно по-другому написано, догадываться надо... Там всё за тыщу лет вперед запророчено»* (ПМА, 2006). Точно так же, рассуждая об упомянутых в книгах древних пророков образах зверей, современный писатель-старовер А.Г. Мурачев приходит к выводу, что *«седмиглавый зверь»* - это царизм, который длился до тех пор, пока не *«помрачился царственный престол»*. *«Все ясно и умно, только нужно правильно понять»*, - заключает народный мыслитель в сочинении, озаглавленном «О конце света» (1994) [Духовная литература, 1999, С.302].

Одна из специфических особенностей конфессионального сознания старообрядцев связана, таким образом, с присущим ему историческим телеологизмом. Сама история человечества предстает как непрерывная борьба темных и светлых сил, достигающая своей кульминации в конце света, а все происходящие в мире события оказываются строго предопределенными. Так, проживающие в Туве старообрядцы убеждены, что рано или поздно начнется *«всемирная война, и все страны в одну сольются. Из семи городов люди съедутся в один город, и будут там жить»* (ПМА, 2004). Символами сменяющих друг друга эпох выступают при этом известные апокалиптические образы - белый, черный и красный кони - ср.: *«каждый конь - про разные времена, а красный - про советскую*

власть» (записано от К.И. Юрковой, 1926 г.р., п. Сизим). В некоторых сообщениях приводится развернутая характеристика указанных образов - ср.: *«Эта книга, Апокалипсис, составлена как от начала и до конца века. Там кони нарисованы. Первый конь идет, траву ест, на нем сидит ангел Господень. Вторым конем просто так идет, ангел Господень тоже сидит на нем. А третий конь, красный, уже летит во всю силушку. На нем руководителя, то есть ангела, уже нет. Хвост у него подстрижен и грива подстрижена. Это - советская власть, сейчашный народ. Вот советская власть такая и есть. Нынче так, а завтра иначе. На последнем коне смерть сидит»* (записано от А.А. Житниковой, 1920 г.р., п. Эржей). В упоминавшемся уже сочинении «О конце света» А.Г. Мурачев поясняет, что такая апокалиптическая пара, как всадник и конь символизирует, соответственно, властителей и народ. «Нынешние» времена, ведущие свое начало с 1917 г., писатель-старовер характеризует как *«полное безбожие, атеизм»*, и добавляет: *«конь взбесился... то есть народ вышел из подчинения... и царя-всадника убил»* [Духовная литература, 1999, С.299].

Сфера эсхатологических переживаний современных старообрядцев - как и представителей других религиозных субкультур - распространяется не только на социально-историческую действительность, но и на природное окружение. При этом сами представления о «последних временах», черпая главные аргументы в социально-исторической действительности, нередко приобретают экологическую окраску.

Научно-технические образы в новейших толкованиях Апокалипсиса

Свойственные эсхатологическим рассуждениям старообрядцев элементы мифологического мышления особенно ярко проявляются в рассказах о наступлении «последних времен». Уже во времена протопопы Аввакума были сформулированы обвинения против еретиков-никониан, которые, по мнению сторонников старой веры, *«осквернили землю, мать всех, осквернили воздух, осквернили небо»* [Журавель, 2001, С.56]. Сам Аввакум оценивал современную ему действительность как вселенскую катастрофу, когда все природные «стихии» - «воздух, земля и вода» - выступают из своих пределов. Нарушенное равновесие мироздания, в котором пылают пожары, разбегаются звери, разлетаются птицы, а *«в водах умяются рыбы»*, охватывает и род человеческий, переживающий *«и мор, и войну, и иные многа»* [Житие, 1960, С.274]. В то же время, подчеркивает А.И. Клибанов, мир природы и мир человека еще не противопоставлены друг другу, поскольку *«богоданное целое... не несет на себе греха»*. Грех лежит на тех, кто последовал за «богоотступившей» церковью [Клибанов, 1992, С.35].

Провозглашенный в древнерусской литературе путь познания Творца через познание сотворенного им мира, как пишет Н.Н. Покровский, predetermined особый интерес к природным катаклизмам. По этой причине разного рода бедствия (землетрясения, извержения вулканов, наводнения и пр.) в православной литературной традиции всегда рассматривались как знамения, позволявшие постичь приближение последней апокалиптической драмы [Духовная литература, 2005, С.16, 557]. Так, в одном из старообрядческих сочинений второй половины XIX в. прямо говорится о том, что «усиливающиеся огнеизвержения» предвещают приближение последнего дня, открывающегося «всегубительным огнем» [Духовная литература, 2005, С.413-414].

Сходным образом описывается наступление конца света в рассказах современного православного населения - ср.: *«Глады, моры и землетрясенья - это уже начало Второго пришествия»* (ПМА, с. Шайдурово, Сузунский р-н, Новосибирская обл., 2003). В повествовании уже упоминавшегося старообрядческого наставника Т.М. Кудрявцева всем перечисленным научно-техническим достижениям отводится роль своеобразных «эсхатологических знаков». Яркими красками рассказчик рисует картину Страшного Суда, когда вначале *«с востока вспыхнет до небес огонь»*, который будет идти *«с таким шумом, (что) всё вокруг будет гореть - и деревья, и камни... а моря будут иссушиваться»*. Потом *«на западе огонь остановится и образуется егненное озеро для мук»*. И лишь безграничная милость Господа, по мнению автора, будет до поры до времени умирять гнев небесных светил и природных стихий, давая надежду на спасение всем грешникам - ср.: *«Все покорны Господу Богу - деревья, реки, звери. Только один человек непокорный... Уже Солнце не может терпеть - я, говорит, всех пожгу... А Господь говорит - нет, потерпи, может, они еще покаются... Луна не может терпеть... Земля говорит - я всех пожру... Вот, земли-то трясенье - думаете это что? Господь посмотрит на землю, а она, матушка, потрясается, не может терпеть грешных, а Он еще терпит»* (п. Усть-Кокса, Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай)⁴.

Вместе с тем, в новейших толкованиях Апокалипсиса, достижения науки и техники возводятся в ранг непосредственной причины не только социальных, но и экологических

---

⁴ Перелагая Священную историю своими словами, отмечают Н.Н. Покровский и Н.Д. Зольникова, писатели-старообрядцы населяли ее «узнаваемыми образами крестьян и крестьянок со всей присущей им психологией» [2002, С.313]. В устном пересказе Т.М. Кудрявцева Христос идет на смерть из-за людской зависти: *«Господь-то, Он слепым давал прозрение, хромым - хождение, Лазаря воскресил... а они-то, жидове, ничего не могли сделать... ради зависти хотели Его убить»*. Иуда ступает на путь предательства, совершив оплошность: *«Юда хлеб взял, а не оградил себя крестом, по хлебу-то в него бес и вселился»*. Главных персонажей Священной истории рассказчик помещает в привычную для него крестьянскую среду. *«Понтийский Пилат»* проживает у него в обычной избе, а сам Христос проводит свою последнюю ночь в доме со спящими учениками и в непрерывных беседах с Отцом: *«У них там изгородь такая в ограде была... Господь пойдет-пойдет, с Отцом переговорит, Саваофом, а тот ему - да, говорит, Сыне, придется тебе Огненное (крещение) принять...»* (ПМА, 2006).

бедствий, о чем, в частности, говорят названия сочинений енисейского писателя-старообрядца А.Г. Мурачева - «Наука и техника природе убийца» (1983) и «Предатомные предвестии» (1984) [Духовная литература, 2005, С.398-406]. Резкой критики наука и техника, по мнению автора, заслуживают уже потому, что обе они являются плодом «мудрования» не духовного, но плотского [Там же, С.398]. И в этом взгляды А.Г. Мурачева непосредственно перекликаются с воззрениями другого старообрядческого писателя, И.Н. Жарикова, в произведениях которого тлетворность науки объясняется тем, что она учит людей думать не о царствии небесном, а о том, «как лучше пользоваться жизнью земной». Иными словами, негативное восприятие науки у обоих мыслителей связано с отторжением ею «тесного пути» (то есть, пути нравственного подвига и отказа от мирских соблазнов) и, напротив, обращением ее к «широкому пути» (или пути удовольствий и греха) (см.: [Зольникова, 2006, С.223, 224]).

Особое негодование у А.Г. Мурачева вызывает «разная химия», от которой, как он считает, «гибнет всё: лес сохнет, трава блекнет, насекомые и животные гибнут, люди чахнут, скалы и камни дряхлеют, моря и реки мелеют» [Духовная литература, 2005, С.398]. Для самого автора в природе нет вредных («ненужных») и полезных существ, каждое из которых (в том числе, бесчисленные «комары и прочий овод») является творением Божиим, поэтому утрата любого из них вызывает острое душевное сожаление. «Где те сотенные... косяки гусей и журавлей, - вопрошает таежный книжник, - которые летали весной на север, а осенью на юг над нашей головой, когда мы в детстве на их крик вздымали глаза и любовались над их стройностью. Почему они изменили свою врожденную натуру и не стали выполнять воздушные перелеты по-прежнему теперь?» Главная причина, по его мнению, кроется все в той же химии, от которой «изгнули» или «совсем ушли к отмиранию... десятки пород», заботливо сохраненных Ноем «от гибели потопа» [Там же, С.398-399]. В то же время, сокращение животных и растительных видов, по мнению автора, является прямым следствием людского безверия: «со уменьшением христиан, - убежден народный мыслитель, - Господь не будет давать плодности во всем творении, как в рыбах, так в птицах и зверях»⁵. При этом «долготерпение Божие будет простираться» до тех пор, пока «благия и праведныя» пребудут среди грешного мира, однако «казнь атомной войны» расценивается им как неизбежная [Там же, С.399-400, 402].

Наиболее развернутая характеристика науки и техники содержится в трактате А.Г. Мурачева «О конце света» (1994) [Духовная литература, 1999, С.290-305], в котором

---

⁵ Различные проявления *антиматеринства* (то есть, подавления сферы воспроизводства жизни, снижения ее символов и пр.), подчеркивает Т.Б. Щепанская, также относятся в народной эсхатологии к знакам наступления конца времен [2002, С.220 и др.].

кратко излагается эсхатологическая концепция автора и дается новое толкование всемирной истории. *«Число семь, - рассуждает енисейский книжник, - честно, свято и почтительно пред Богом»*, поэтому и *«должно быть разных семь времен в истории»* [Там же, С.294-295]. Каждый из выделенных периодов А.Г. Мурачев характеризует с различных сторон. Если *«церкви»*, *«времена»* и *«знамения»* извещают, к примеру, *«характер христиан»*, а *«печати»* - *«характер властный»*, то *«трубы»* извещают *«о войнах и о развитии науки и техники»* [Там же, С.298, 300]. *«За 70 лет бесовского атеизма, - констатирует автор, - миллионы христиан отпали от веры во Христа»*, поэтому пятый (нынешний) этап неизбежно разрешится атомной войной, вследствие которой *«весь мир объединится в одно государство»*, во главе которого поставят Антихриста. Шестой этап завершится уничтожением самого Антихриста *«и всех поклонников его»*, а седьмой будет знаменовать *«Христово пришествие и кончину мира»* [Там же, С.297-298].

Порожденную наукой технику А.Г. Мурачев отождествляет с саранчей - *«безбожная наука... создала пружей (саранчу), то есть, разнovidную технику»* - которую, в свою очередь, подразделяет на *«сельскохозяйственную»* и *«военную»*. Предназначенная *«для массового уничтожения человечества»* военная техника (*«все машины, танки, самолеты и вертолеты»*) уподоблена у него *«уготованным на брань»* коням, объединяющим в своем облике не только зоо- и антропоморфные черты, но и определенные технические характеристики. Так, *«железные корпуса и брони»* сочетаются у них с *«человеческими лицами»*, *«женскими власами»* (символизирующими *«прелесть и любовь к технике»*), а также *«львиными зубами»* (под которыми подразумеваются танковые и другие снаряды) [Там же, С.300-301].

Само атомное оружие (которое, как говорится в трактате, будет *«царь всему оружию»*) также представлено автором через традиционные апокалиптические образы коней, наделенные необычными атрибутами - железной броней и львиными головами, (поскольку *«нет в мире зверя, грознее льва»*), из уст которых *«исходит огонь, и дым и жупел»* (сера, - Г.Л.). Демонстрируя неплохое знание специальных научных терминов, автор приводит собственное толкование перечисленных *«язв»*, от которых, по предсказанию, погибнет *«третья часть человечества»*: *«Под огнем разумеется всепожигательный, молниеносный, ужаснояркий и ослепительный свет... который на облачной высоте с громным ужаснейшим треском будет тиранствовать около десяти секунд после [в]зрыва бомбы... Под дымом разумеется атомная заразительная пыль... которая... засеет и отравит всю поверхность земли, корм и воду... Под жупелом разумеется... гигантская воздушная волна, которая... расширяясь, волоча за собой тучу*

земли и сору, мгновенно разрушив дома и лес... потом придет в изнеможение» [Там же, С.303]. Различные виды смертоносного оружия («*атом, водород, нейтрон и лазерный луч*») А.Г. Мурачев саркастически называет «*канфетами*» и предрекает, что рано или поздно все они будут перепробованы «*на богоотступных языках*» [Там же, С.304].

Итак, если в ранних эсхатологических сочинениях нарушение вселенского равновесия трактуется как гнев «выступающих из своих пределов» природных стихий, а сами стихийные бедствия расцениваются как признаки наступления конца света, то в более поздних толкованиях Апокалипсиса роль эсхатологических знаков отводится предметам и явлениям, символизирующим достижения научно-технического прогресса. При этом именно наука и техника (в первую очередь, военная) возводятся в ранг непосредственных причин природных и социальных катастроф, которые неминуемо обрушатся на мир накануне Второго пришествия и Страшного Суда. Унаследовав от средневековья подозрительное отношение к науке, современные писатели-старообрядцы, считает Н.Д. Зольникова, неожиданно угодили в «главную болевую точку постиндустриальной цивилизации: глобальное разрушительное влияние на всю земную экосистему неконтролируемого развития науки и техники» [Зольникова, 2006, С.226]. Другими словами, в старообрядческих сочинениях, подчеркивает Н.Н. Покровский, нашла отражение «острейшая проблема современности: деградация земной природы под натиском достижений научно-технической цивилизации» [Духовная литература, 2005, С.21].

Заключение

Традиционное религиозное сознание, согласно представленным материалам, и в наши дни продолжает мифологизировать действительность, и наоборот, современная действительность оказывает непосредственное влияние на религиозное сознание. Развитие мифотворческих процессов имеет при этом достаточно четко выраженную специфику в православии и старообрядчестве.

Восприятие научно-технических новшеств носителями религиозного сознания, как показало проведенное исследование, зависит от характера религиозности (массового или элитарного), типа расселения (сельского или городского), образовательного уровня конфессиональной среды и даже гендерного аспекта (преимущественно мужского или женского состава верующих). В целом, представления о «последних временах» с их функцией универсального объяснения происходящих в природе и обществе перемен сохраняют значение структурообразующего элемента в мировоззрении носителей различных религиозных субкультур, в том числе, в мировоззрении современных

старообрядцев. Способствуя осмыслению прошлого и формируя отношение к настоящему, они являются базой, на которой вырабатывается определенная модель поведения, помогающая адаптироваться к изменениям окружающего мира.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №08-01-00333а.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПМА - полевые материалы автора

Аверкий, архиепископ. Апокалипсис или Откровение Святого Иоанна Богослова. История написания, правила для толкования и разбор текста. М.: Оригинал, 1991.

Ахметова М.В. Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX - начала XXI вв. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к. филол. н. М., 2004. (Режим эл. доступа: www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova6.htm).

Гурьянова Н.С. Старообрядческое эсхатологическое учение и социально-политические мифы Нового времени // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. М-лы III международной научно-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2001.

Гурьянова Н.С. О приемах построения текста писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири, 2004. № 3.

Духовная литература староверов востока России XVIII - XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Т.2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005.

Жвितिшвили А.Ш. Концептуальные истоки идеи глобализации // Социс, 2003, №6.

Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

Журавель О.Д. К изучению топики старообрядческой культуры: пустыня как святая земля // Гуманитарные науки в Сибири, 2001. № 3.

Зольникова Н.Д. Наука в эсхатологических построениях енисейского старовера И.Н. Жарикова (третья четверть XX в.) // Сибирь на перекрестье мировых религий. М-лы III межрегиональной научно-практ. конф. Новосибирск: РИО НГУ, 2006.

Клибанов А.И. Опыт религиозного прочтения сочинений Аввакума // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992.

Любимова Г.В. Старообрядцы-часовенные Верховьев Малого Енисея: традиции и новации // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск: АртИнфоДата, 2004.

Петров Ф.Н. Универсальная структура эсхатологического мифа // Религиоведение, 2004, №2.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII - XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

Разумовская Е.Н. «Господи, хозяин-батюшка полевой! Спаси нас и сохрани!» // Христианство в регионах мира. СПб, 2002.

Рогозина И.В. Новые медийные когнитивные структуры и глобализационные процессы // Глобализация - этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн.1. М., 2006.

Тарабукина А.В. Фольклор и культура прицерковного круга. Дисс. на соискание ученой степени к. филол. н. СПб., 2000. (Режим эл. доступа: www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html).

Татаринцева М.П. Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006.

Чистов К.В. Заметки об эскапизме и эсхатологических представлениях старообрядцев XVII - XIX вв. // Христианство в регионах мира. СПб, 2002.

Шантаев Александр, иерей. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М.: Благо, 2004.

Щепанская Т.Б. Антиматеринство: к народной эсхатологии XX в. // Христианство в регионах мира. СПб, 2002.

Panchenko A. Eschatological Expectations in a Changing World: Narratives About the End of the World in Present Day Russian Folk Culture // SEEFA Journal. Spring 2001. Vol. VI. № 1. P. 10-25. (Режим эл. доступа: www.ruthenia.ru/folklore/panchenko2.htm)

SEEFA - Slavic and East European Folklore Association

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Семья староверов Усинско-Урянхайского края. Начало XX в. (АРЭМ, 1135-49).

Рис. 2. Старообрядка-часовенная за чтением «божественных книг», п. Эржей, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва, 2004 г. (Фото автора).

Рис.3. Старообрядческая книга с лестовкой, музей быта старообрядцев с. Тарбагатай, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия, 2007 г. (Фото автора).

Рис.4. Начальный лист Апокалипсиса. Рукопись конца XVIII в. Фото из кн.: Бураева С.В. «Богодухновенные книги» старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003 (цветная вкладка).